

Ань Цзин медленно шла, прижимая к груди охапку белых роз, только что купленных в цветочном магазине.

Белые розы были её любимыми цветами — романтичные, невинные, но при этом с крошечными острыми шипами. Увы, их красота была столь пленительной, что всегда находились желающие сорвать бутон. Да и что толку от тех маленьких шипов? В конце концов их легко сжимали в кулаке, обламывали и втапывали в грязь.

Ань Цзин не могла описать, что сейчас чувствовала. Раньше она постоянно спорила с ней, вечно задиралась, пытаясь довести её до того момента, когда бледные щеки окрашивались в пунцовый цвет. Ей нравилось смотреть, как та, не в силах ударить в ответ, беспомощно злится, а сама Ань Цзин в это время заливалась звонким смехом.

Как же она тогда поступала? Даже в моменты самого сильного гнева она лишь легонько стучала её по голове и угрожала тоном, который казался ей грозным:

— Если еще раз устроишь такой беспорядок, вечером останешься без свинины в кисло-сладком соусе.

Ань Цзин подошла к её могиле.

Они обе были сиротами и знали друг друга с самого детства. В приюте она всегда была такой мягкой, нежной и беззащитной. Когда другие дети обижали её, она лишь покорно стояла в сторонке, не отрывая взгляда от отобранного печенья.

А сама Ань Цзин тогда была настоящей грозой приюта. Она с малых лет умела драться, да так жестко, что никто больше не смел к ней лезть.

Впрочем, тогда она просто забрала у обидчиков печенье и вернула его ей. Как-никак, будучи местным задирай, она не могла позволить другим отнимать еду у того, кто ей приглянулся. Разве это не вызов её авторитету?

Маленькая Ань Цзин вложила печенье в ладонь Ань Жуюй. Ань Цзин была на голову ниже неё.

— Спасибо, — прошептала та.

Услышав этот нежный, хрустальный голос, Ань Цзин замерла. Будучи падкой на приятные звуки, она вдруг застеснялась — даже печенье забирать обратно передумала.

Да, именно забрать обратно. В той маленькой хулиганке не было никакой доброты — она лишь хотела отдать печенье, чтобы потом отобрать его снова.

Ань Цзин потеряла нос, сунула ей лакомство в руки и убежала.

Ань Жуюй была на три года старше. Покинув приют после совершеннолетия, она стала фуд-блогером, и, как только у неё появился стабильный доход, первым делом она забрала Ань Цзин к себе.

Ань Цзин до последнего не хотела называть её сестрой, всегда обращаясь просто по имени — Ань Жуюй, Ань Жуюй. Та, даже злясь, лишь притворно хмурилась и требовала называть себя сестрой.

Ха-ха-ха. Вспоминая былое, Ань Цзин рассмеялась, стоя у могилы:

— Ань Жуюй, ну какая же ты дурочка. Кто вообще хотел называть тебя сестрой?

Она смеялась, но из глаз, словно жемчужины, катились слёзы.

Мимо проходил какой-то парень, тоже пришедший почтить память близких. Он бросил через плечо:

— Психическая, пришла на кладбище и ржёт, как ненормальная.

Ань Цзин умолкла. С безразличным выражением лица она стерла слёзы подушечками пальцев.

Глядя на цветущую улыбку на надгробии, Ань Цзин положила белые розы.

— Сегодня один из них вышел на свободу, — её голос смягчился. — Не волнуйся, долго он не прогуляет. Знаю, ты боишься одиночества, поэтому я нарисовала для тебя двоих человечков: одного зовут Сяо Цзин, другого — Сяо Жуюй. Сяо Цзин я оставлю тебе, а Сяо Жуюй пусть еще немного побудет со мной. Совсем скоро я принесу её тебе, подожди меня.

Она достала зажигалку, а в другой руке сжала бумажную фигурку размером с ладонь. Она была на девять десятых похожа на неё, с широкой улыбкой на лице и пристальным взглядом, устремленным вперёд.

Пламя охватило голову фигурки, и через мгновение она превратилась в пепел.

— Ань Жуюй... сестренка, я отомщу, — прошептала она едва слышно.

Она не сводила глаз с черно-белой фотографии на памятнике, встречаясь взглядом с сияющими глазами на снимке. Её собственные глаза были пустыми и полными бесконечной тоски.

<http://bllate.org/book/20368/2037532>